

Пётр Николаевич Краснов

Цесаревна

Часть первая

I

В Конотопе верховых и вьючных лошадей оставили. Дальше, до самой Москвы, шел ямской тракт, и полковник Федор Степанович Вишневский подрядил телегу по казенной подорожной. Он ездил в Венгрию покупать вина для императрицы Анны Иоанновны и, отправив покупку обозом за надежным бережением, сам спешил в Петербург.

Алеша вышел на крыльцо и долго смотрел, как реестровый казак с пятью заводными лошадьми трусил по обратной дороге. Был прохладный полдень, и уже пахло весною. Земля на солнце оттаяла и просохла. Белая пыль поднималась за лошадьми, и в ней, как в тумане, горел неярким пламенем алый тумак черкесской шапки казака. Висячие рукава кунтуша мотались за спиной, как крылья, и с дома, с самого детства знакомые и точно родные лошади спешили покорной ходой. Серко бежал сбоку, и Алеше долго были видны высокие луки, обтянутые алым сафьяном полковничьего седла.

На деревянном крыльце, на щелястом полу с глубокими темными морщинами плохо оструганных досок лежали пестрые ковровые хуржины -- переметные сумы с домашней провизией. Темное горлышко толстой пузатой сулеи с токайским вином -- счастливый покупатель себя не забыл -- торчало из крайней сумы. В хуржинах -- Алеша их укладывал с матерью -- лежали коржики сладкие, на меду, домашние сухари, что напекла и засушила ему на дорогу, -- "аж до самого Сам-Питербурха чтобы хватило" -- мачка Наталья Демьяновна. Громадный кусок сала, ветчина и колбасы -- деревенская снедь в мокрых холщовых тряпицах наполняли сумы. Алеша долго смотрел, как серел и голубел, уменьшаясь, точно тая в воздухе, казак с родного хутора Лемеша, и с ним серело и таяло, исчезая в небытие, и его прошлое. И сейчас -- будто кто-то совсем другой, незнакомый и чужой, стоял на крыльце ямской избы, над которой свешивали воздушные нити тонких ветвей еще голые акации.

Было грустно. Точно снились -- поднимались воспоминания нерадостного и невеселого детства.

Пригонит Алеша к вечеру общественное лемешское стадо и, голодный, обгорелый на толоке, пропахший скотиной и полынной горечью степных трав, с длинным бичом на плече войдет в хату, снимет рваную шапчонку и станет креститься на темные лики икон, на толстый дубовый сволок, где славянскими буквами, под титлами вырезана надпись: "Благословением Бога Отца, поспешением Сына". Здесь был вырезан крест: "Содействием Святого Духа создася дом сей рабы Божией Натальи Розумихи. Року 1711 мая 5 дня". Помолившись, ждет от отца приглашения вечерять.

За столом, на лавке, сидит отец и с ним человек пять соседей казаков. Все уже пьяны достаточно. Оловянные стаканы с брагой то и дело осушаются. Отец, кивая красной, в седых кудрях головой и расправляя длинный ус, рассказывает -- в который уже раз! -- о своих доблестях и невзгодах.

-- Та я ж, -- кричит он, стуча стаканом по столу, -- с великой охотой вси козацкие против татар и протчих неприятелей отправлял походы!.. Ох!.. -- щелкает он себя по высокому и красивому лбу. -- Гей! Що то за голова, що то за розум!.. Но... нема хвортуны... Вишь, бидолага! Ради частых нечаемых, ово от неприятелей, ово от междоусобных разорений все знищало... А то!.. Гей, хлопцы! Що то за голова, що то за розум!..

С этой отцовской поговорки Алешу и все их семейство прозвали на хуторе Розумами.

Теперь казалось Алеше, что тогда устало сидел в углу, на лавке в хате, пил молоко, прислушиваясь к пьяной болтовне отца, совсем и не он, а какой-то маленький и жалкий пастушок, ничего общего не имевший со статным молодцом, что стоит сейчас на крыльце ямской избы в Конотопе и что едет с паном полковником в Санкт-Петербург.

Вспоминает Алеша, как он тайком от отца ходил к дьячку села Чемер учиться грамоте и церковному пению. Отец узнал об этом и, -- тоже точно и не наяву это было, но только приснилось, -- пьяный гонялся за ним, а он в смертельном испуге убегал от отца, кружа около хаты. Отец настигал его. Он проскочил под ворота, а отец вслед ему пустил с такой силой топор, что он глубоко врезался в доски ворот... После этого Алеша бежал из отцовского дома и поселился у дьячка. Здесь познал он сладость науки и прелесть гармонии пения.

И вот совсем недавно, в начале января, -- как хорошо запомнился этот день Алеше, а тоже и не поймет совсем, во сне это ему снилось или точно так было, -- в этом самом сером чекменике пришел он домой, к матери. И видит... Совсем сон... В маленькие окна светит яркое, утреннее солнце. И от того ли,